

©

Малетин Н.П.
профессор МГИМО

**В ПАМЯТЬ о МОЕМ УЧИТЕЛЕ и СТАРШЕМ ДРУГЕ
М.С. КАПИЦЕ**

Позвонили из ИСАА и сообщили о планах подготовить мемориальный сборник, посвященный Михаилу Степановичу Капице. Времени, как всегда, дали в обрез. Писать об Учителе, прекрасном человеке и, если можно так сказать, старшем друге, очень не хотелось как-то в спешке, на ходу. Привыкли мы делать пятилетку в четыре, а то и в три года. Инстанции планируют либо на длительную перспективу, либо уже на прошедший день. Надо было еще вчера – расхожий лозунг нашего времени. Все как-то не заранее, а срочно и спешно. Нет времени, чтобы обстоятельно просмотреть дневники, какие-то отрывочные записи, уточнить некоторые биографические детали. Хочешь, чтобы было как лучше, но товарищ Черномырдин по-прежнему уверяет, что будет, как всегда. И приходится спешить, за что и прошу меня извинить.

Практически 30 лет моей жизни прошло под счастливым «знаком Зодиака» по имени Михаил Степанович Капица, который во многом и определил мою профессиональную, да и человеческую судьбу.

Нельзя сказать, что я познакомился с Михаилом Степановичем Капицей лично сам. Я просто видел его на лекциях в МГИМО, когда был еще студентом и аспирантом. МГИМО был для Михаила Степановича родным. В 1950-е годы он несколько лет заведовал кафедрой, здесь защищал свои кандидатскую и докторскую диссертации, и затем как ответственный работник МИД часто выступал перед преподавателями, всегда с нетерпением ждущими его визита в Институт. Я, конечно, слышал восторженные отзывы о его стиле подачи материала. Он ничего не читал, много импровизировал, добавляя шутки и анекдоты, что отражало веселую серьезность его натуры. Говорил легко и доступно, быстро ориентируясь и умело учитывая любую аудиторию. Особенно, как артист, он вдохновлялся перед большой

аудиторий, выступая в таких залах как Политехнический музей и т.п. Очень интересными и методически полезными были его выступления на семинарах для самих лекторов. С публичными лекциями он регулярно выступал в клубах Москвы, области и, конечно, в городах СССР. Всегда на его лекциях было много представительниц слабого пола, сильно желавших послушать из его уст, что происходит в мире. Он был видный мужчина, я бы сказал, виднейший со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не только его телесная фактура, высокий рост, статность, щеголеватость в одежде, но и добрый веселый нрав, чувство юмора и в отношении себя самого, свобода в общении делали его человеком приятным во всех отношениях. Как лектор, он буквально был нарасхват. Тем более, что из его выступлений можно было узнать немало того, что людям вроде бы знать и не полагалось. Лекции, безусловно, пополняли и семейный и личный бюджет, поскольку оклады работников МИД в Центральном аппарате были не столь уже велики по сравнению с иностранными. А он практически выезжал лишь в короткие служебные командировки. И дело даже не в этом. Он просто был прирожденным лектором, буквально захватывавшим любую аудиторию.

В МИДе он не замыкался только на регион, который курировал, а мыслил масштабно, глобально и был в курсе развития всего международного пространства.

Я встречал его, еще не будучи лично знакомым, иногда на некоторых мероприятиях, которые посещал по долгу службы в качестве переводчика индонезийского языка инкоорреспондента Анвара Дарма. Когда я в 1966г. поступил в аспирантуру МГИМО по кафедре международных отношений и темой диссертации стала внешняя политика Индонезии времен президента Сукарно (1945-1965 гг.), я воспользовался тем, что, работая переводчиком при, а не в штате Международного Отдела ЦК КПСС, познакомился со многими известными советскими учеными – востоковедами. Юрий Николаевич Гаврилов, преподаватель Института общественных наук при ЦК КПСС, с которым и его семьей я до его кончины был очень дружен, посоветовал мне попросить М.С. Капицу, заведующего отделом ЮВА в МИД, быть моим научным руководителем.

И вот осенью 1966 г. мы на 14 этаже здания МИД, в большом кабинете у моего будущего научного шефа. Он вышел из-за стола. На нас надвигалось что-то большое, святящееся добротой. Встретил он нас приветливо, как обычно встречал входящего, расспросил о жизни и, узнав, что я из Ярославля, сказал, что он еще из более глубокой провинции - из деревни. У кого трудный путь к успеху, тот более и дерзает, чего он пожелал и мне.

Шутливо поблагодарив Ю.Н. Гаврилова, с которым он был в теплых отношениях как с востоковедом, за еще одно «научное приобретение», что меня несколько смутило, он пожал нам руки, и я пошел «творить». Визиты к научному руководителю были нечастыми. Обычно я приносил на просмотр свои статьи для публикаций. Материалов для написания диссертации у меня было вполне достаточно. Это прежде всего переводы из нескольких индонезийских газет и журналов за несколько лет, некоторые источники и научные исследования на индонезийском и английском. Неся на просмотр свою первую статью по теме диссертации, позвонив и попросив разрешения зайти, я немного опоздал, а М.С., спешащий как всегда, выходил из здания МИД, чтобы ехать по какому-то делу. Мы встретились у подъезда. Он поздоровался и, сказав, что срочно уезжает, прошел к машине. Мой растерянный вид, наверно, был вызывающим сострадание. Но, сев в машину, которая уже трогалась, он взглянув на меня, попросил шофера остановить и не позвал меня, а выйдя из машины сам подошел и, забрав мою статью, велел зайти в другой день (кстати, всегда помня этот случай, я, в чем меня часто упрекают коллеги, «няньчусь» со своими аспирантами, понимая, что мы в ответе за тех, кого приучили и тем самым в какой – то мере приучили).

Но на этом эпизоде мое удивление не закончилось. Придя через пару дней к Михаилу Степановичу, я растерялся еще более, когда он сказал, что статью бегло просмотрел, отметил спорные положения, но править не стал. (Не царское это дело. Да и времени у него нет, да и в аспиранты к нему шли обычно те, у кого уже был какой-то серьезный задел). Учитывая, что я аспирант великовозрастный (под тридцать), да еще имеющий некоторый опыт публикаций и преподавания языка, то свою

работу сам могу довести до ума. Он вернул мне статью. Над ней я посидел еще пару дней и снова к шефу. Компьютеров в то время не было, и все приходилось перепечатывать на машинке. М.С. Капица спросил: «Все поправил и вычитал или еще разок внимательно посмотришь?». Я заколебался, и чтобы в следующий раз чувствовать себя в полной уверенности, забрал статью домой. В течение двух дней читал ее несколько раз с большими перерывами, чтобы не «замыливать» глаза.

Одевшись по-официальнее в темный костюм, снова стучу в двери кабинета. Аудиенция была короткой. «Ну как будем сдавать в печать?», - спросил шеф, с улыбкой глядя на меня. «Да», - ответил я. Михаил Степанович достал авторучку и, еще раз взглянув на меня, просто поставил подпись. Должен сказать, что для меня это была хорошая школа. Насколько я помню, после этого он обычно быстро просматривал мои статьи и подписывал. Он четко распределял свое время и энергию соответственно характеру работы. (Как мне по секрету призналась его супруга, М.С. от корки до корки вычитал сигнальный экземпляр нашей общей книги). Но не будем нарушать хронологию.

В 1968 г., уже написав диссертацию в черновике, я с его легкой руки был направлен на работу в Посольство СССР в Индонезии в качестве драгомана (говорят, что я по кадрам проходил чуть ли не как последний драгоман по должности). Работа нравилась. Коллектив - сверх профессиональный. Все мои прямые начальники владели индонезийским языком. Поработать над диссертацией не удалось. Ее, бедную, присланную мне шефом по диппочте, соответствующие товарищи просто заперли в сейф, пообещав вернуть по окончании командировки. Но «дипломатил» я недолго. После ДТП осенью 1968 г. возвратился в Москву с большим чемоданом книг и материалов для научной работы. М.С. Капица предлагал мне остаться работать в отделе, но я взял курс на завершение диссертации. Кроме того мой преподаватель индонезийского языка Гавриил Леонидович Кессельбрэннер снова привлек меня к преподаванию языка, а затем я также стал преподавателем Дипломатической Академии.

Мои научные контакты с М.С. не прерывались. Но написав отзыв на мою кандидатскую диссертацию, он сказал, что будет занят и на защиту не придет. «Сам справишься!» - добавил он и пожелал «ни пуха, ни пера». Защита прошла успешно, о чем я его радостно и проинформировал. В отдельных случаях на этом все и заканчивается, оставляя теплое, согревающее душу чувство признательности и благодарности к научному руководителю.

Мой же беспокойный характер не позволяет мне терять связи с хорошими людьми и друзьями. Успешно «отмотав» первый трехлетний аспирантский срок, я принял решение посадить себя (ведь мы жили в плановом хозяйстве) на 10 лет для написания докторской диссертации. И через месяц после банкета снова предстал перед светлые очи Михаила Степановича с дерзким предложением совместно написать политическую биографию первого индонезийского президента Сукарно, отстраненного от власти в конце 1960-х, а заодно рассказал о своих видах на докторскую диссертацию.

Он поддержал тему о внешней политике Индонезии, заметив, что слишком уж я скор. Я ответил, что есть примеры для подражания. Он, догадавшись, что знаю о его стремительном научном росте (докторскую он защитил еще до 40-летнего возраста), улыбнулся и сказал «ну, дерзай». Мне кажется, ему нравилось наблюдать, как люди, к чему-то стремящиеся добиваются своей цели. Как минимум на этом пути их всегда сопровождала его поощрительная улыбка.

Я и сам знал, что в наше советское время защитить докторскую по общественным наукам где-то в сорок с небольшим считалось просто неприличным, и некоторые коллеги по кафедре советовали мне сначала немножко «постареть». Но мне хотелось доказать это самому себе тем более, что кроме преподавания меня ничто не отвлекало.

Я был разведен, у меня не было детей, и я был упорен и здоров.

Особенно меня обрадовало, что М.С. одобрил идею нашей книги о первом президенте Индонезии – Сукарно, и вскоре с Издательством «Мысль» был заключен договор. Ответственным редактором согласился стать крупнейший советский спе-

циалист по истории Индонезии А.Б. Беленький. Книга «Сукарно. Политическая биография» вышла в 1980 г., (а после падения режима генерала Сухарто уже XXI веке была переведена на индонезийский язык).

Тираж по настоящим временам был просто заоблачный – более 100 000 экземпляров и ценой аж более 1 рубля. Да были читатели в наше время, не то, что нынешнее племя. К сожалению, время сейчас не благоприятное для расширения кругозора, большинство в жизненный прицел ищет свою точку у Фортуны. Кстати, весь гонорар соавтор написал на меня, что позволило мне решить некоторые немалые материальные проблемы.

Время работы над книгой – время частых встреч. Михаил Степанович, который уже не курировал ЮВА, а стал заведующим Первого Дальневосточного отдела и членом коллегии МИД СССР, Китай не просто прекрасно знал, но и провидчески смотрел в его будущее.

После смерти Мао никто не знал, что будет в Китае с его наследием после «культурной революции» и правления «банды четырех». Капица в МГИМО на Ученом совете, выходя к трибуне в 1976 г., сказал: «Мао жил, Мао жив, Мао будет жить». Никто его из Мавзолея выносить его не будет, и он будет работать на Китай.

Несмотря на его постоянную занятость к М.С. можно было зайти даже без звонка, просто постучав и просунув голову в дверь, посмотреть на его реакцию. Если у него было время, он всегда выслушает и сам что-то посоветует или прокомментирует. А когда занят, попросит подождать или назначит время. Если у него не ответственное совещание или рутинная встреча с сотрудниками отдела, он обязательно представит и познакомит, чтобы человек не чувствовал себя неудобно. Насколько я могу судить, его отношения с подчиненными были очень демократичны. Капицу всегда окружали люди, к нему тянулись, он притягивал, будучи душой коллектива и компаний. Со многими работниками его отдела и с его помощниками у меня установились хорошие дружеские отношения, за что я Михаилу Степановичу очень благодарен. Большинство из них стали известными дипломатами, послами в разных странах. Трудно сказать, кем он был больше - настоящим человеком или талантливым

дипломатом от Бога. В нем это гармонично переплелось, но человек часто побеждал. Как человек он был борец и здесь карьерный дипломат отступал. Особенно, когда это касалось людей и его сотрудников, он не мог стоять в стороне. Многие, кому он помог даже с риском для карьеры, говорили об этом почти со слезами на глазах.

Мне было приятно, что он советовал мне перейти на работу в МИД, убеждая, что это не помешает написанию докторской диссертации, ставя мне в пример себя, защитившего обе диссертации, совмещая научный поиск со службой в Министерстве. Но я уже был разведен, а без загранвыездов сидеть в Центральном аппарате как-то меня не очень привлекало, да и оклад профессора в вузе был очень и очень приличным, не говоря уже о возможности работать с молодежью, во многом самому планировать свой трудовой день и жизнь. Встречи в его кабинете продолжались и после сдачи книги в издательство, (он консультировал меня по докторской диссертации, защищенной в 1980 г.), а затем с начала 1980-х и в его новом кабинете на 7-м этаже, куда М.С. Капица спустился, поднявшись по карьерной лестнице до должности заместителем министра иностранных дел. Конечно, они были редкими, но МихСтеп, как его любовно называли за глаза сотрудники и его хорошие знакомые, продолжал меня опекать. А когда позволяли условия, приглашал меня, как ответственного за лекторскую работу в Парткоме МГИМО, и на свои закрытые выступления.

Мидовскую перестройку «а ля Шеварднадзе» он не принимал, а перестройщики не терпели возражений. «Перестроечный зуд» вышел за пределы, как здравого смысла, так и национальных интересов, с чем не могли смириться немногие в то время, и многие уже сейчас, спустя целый ряд впустую потраченных лет.

Гораздо чаще я заходил к нему, когда он стал в 1987 г. директором Института Востоковедения РАН. С работниками Отдела Юго-Восточной Азии этого Института я начал сотрудничать еще в середине 1960-х, когда ИВАН находился в старинном здании в Армянском переулке, а затем был переведен на Рождественку в здание, расположенное напротив Архитектурного Института. Я всегда заходил по делу. Он не избегал

встреч со мной и даже как-то сказал: «Не стесняйся, заходи почаще. Тебе же от меня ничего не надо, а повидаться всегда приятно». Не знаю, был ли он доволен тем, что больше не работает в «перестраиваемом» новым министром Э. Шеварднадзе МИДе, но иногда не скрывал радости от того, что может более свободно планировать свой рабочий день, а отчасти и жизнь, несколько больше под себя в отличие от динамичной и оперативной работы в Министерстве, хотя очевидно и скучал по тому, чему были отданы многие, в том числе и лучшие годы.

Наши отношения были просто дружественными, если можно так сказать о несравнимых величинах. Он часто говорил об успешной работе в ООН своей дочери Ларисы, которую я хорошо знаю как коллегу по работе в Институте, улыбаясь рассказывал о «проделках» подрастающего сына - Сергея.

Последний раз я встретился с ним в МГИМО, когда к нам приехал Председатель КНР Цзянь Цзэминь. После окончания мероприятия я проводил его до машины. Мы просто шли рядом, перебрасываясь короткими фразами. Расставаясь, он пожал мне руку и, как всегда, улыбнулся. Улыбка была все такая же добрая и широкая, как и его душа. Таким он изображен на оставшейся у меня фотографии, висящей в моем рабочем кабинете. И мы время от времени смотрим друг на друга, хотя и находясь в разных мирах.